

УДК 821.511.131

*В.Г. Пантелева***ГАЙ САБИТОВ – ПЕРЕВОДЧИК ЛИРИКИ**

Статья посвящена переводческой деятельности удмуртского поэта Гая Сабитова, сыгравшей важную роль в его творческой биографии. Внимание акцентировано на анализе переводов лирики, тематически и тонально созвучной оригинальному творчеству поэта-песенника. Он переводил на родной язык русские народные песни, тексты песен, созданные советскими поэтами, что было продиктовано не только социокультурным требованием его эпохи, но и эмоциональной созвучностью: в них отражались те же чувства, какие переживал он сам. Между тем литературное время середины XX века не могло не проявиться на стратегии поэтического перевода: в удмуртской переводческой практике буквальный перевод все еще доминировал над свободным типом перевода. И этой участи не удалось избежать и Гаю Сабитову. Творчество Сабитова-переводчика значимо сегодня как художественный памятник определенной эпохи и представляет большой интерес для истории национальной литературы.

Ключевые слова: переводчик лирики, социокультурный контекст, переводческий буквализм.

Гай Сабитов (1915 – 1993) – поэт своего времени. По негласным «законам» удмуртской литературы середины XX века, он должен был быть не только поэтом, но еще и журналистом и переводчиком. Таковы были социокультурные запросы середины XX века, сформировавшие уникальный тип национального литератора: писатель-журналист-переводчик в одном лице. И Гай Сабитов являлся олицетворением этого феноменального явления. Он перевел на удмуртский язык более 100 художественных произведений русской, зарубежной литературы и литератур народов России. Если быть точнее, то с русского языка он перевел 30 произведений, с языков народов России – 74 и 12 произведений зарубежных авторов. Из переведенного в жанрово-родовом плане доминирует лирика (песни и стихотворения), имеются единичные случаи перевода прозы и драматургических текстов.

Гай Сабитов, экономист по первому образованию, серьезно заявил о себе в литературе уже в зрелом возрасте: его первый оригинальный поэтический сборник «Кылбуръёс но кырзаныёс» («Стихи и песни») был издан в 1953 году, когда автору исполнилось 38 лет. Между тем к тому времени он был известен уже как переводчик: тремя годами ранее, в 1950 г., отдельной книжкой была выпущена в его переводе поэма А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». В дальнейшем в переводах Гая Сабитова будут изданы на удмуртском языке отдельными сборниками избранные произведения татарских поэтов Мусы Джалиля и Габдуллы Тукая (в 1960 и 1963 годах).

Здесь необходимы уточнения, связанные с упомянутыми именами. Во-первых, Гай Сабитов впоследствии еще не раз обращался к творчеству Пушкина и перевел три его стихотворения: «Анчар», «Соловей и роза», «Талисман». Во-вторых, он владел татарским языком и переводил стихотворения татарских поэтов с оригинала. В-третьих, Гай Сабитов до сегодняшнего дня оставался единственным переводчиком Г. Тукая на удмуртский язык (только в 2013 г. несколько произведений Г. Тукая перевели на удмуртский язык В. Ар-Серги и В. Ванюшев). Что касается М. Джалиля, то его произведения в разные годы переводили Г. Туганов, А. Клабуков, С. Широбоков, С. Перевощиков, но по количеству переведенного лидирует Гай Сабитов (ему принадлежат переводы 24 стихотворений татарского поэта).

Переводческая деятельность Гая Сабитова, начавшаяся на заре 1950-х гг., продолжалась до 1990 г., тогда в удмуртской периодике были опубликованы его последние переводные произведения – детские стихотворения абхазского поэта Д. Гулия и стихотворение татарского поэта Ш. Мустафина «Ты – бессмертен...», посвященное памяти удмуртского поэта и политика Максима Прокопьева. Четыре десятилетия, отданные художественному переводу, сыграли колоссальную роль в формировании поэтического мировоззрения Гая Сабитова: во-первых, тесная связь переводов с его оригинальным творчеством, во-вторых, художественно-эстетический уровень его переводов является прямым отражением общей культуры удмуртского поэтического перевода середины XX века.

Самыми плодотворными для Сабитова были 1950-70-е гг.: в это время во всех удмуртскоязычных периодических изданиях республики регулярно публиковались его переводы. Лирику «поэт-песенник Сабитов», как верно написано о нем в библиографическом указателе «Писатели и лите-

ратуроведы Удмуртии», тоже начал переводить в пятидесятые годы, и остался верен ей в дальнейшем. Он перевел произведения русских поэтов-песенников (Л. Ошанина, М. Матусовского, В. Лебедева-Кумача, И. Сурикова), тексты русских народных песен, отдельные произведения классиков русской литературы и русских поэтов Удмуртии (А. Пушкина, М. Лермонтова, Шекспира, В. Семакина, Г. Пагирева), гражданско-патриотическую лирику поэтов Урало-Поволжья (татарских поэтов З. Нури, С. Батгала, М. Садри, М. Хусаина, Р. Миннуллина; мордовских поэтов Г. Агейкина и Н. Эркай; марийского поэта М. Казакова; чувашского поэта П. Хузангай и т.д.). Ниже в таблице мы приводим неполный список переведенных Г. Сабитовым лирических произведений.

Некоторые образцы переводов лирики

Автор	Произведение	Год
Русские народные песни	Глухой неведомой тайгою; Над полями да над чистыми; Что так скучно; Лучинушка	1957
Радин Леонид	Смело, товарищи, в ногу!: песня	1957
Ошанин Лев	Ленин всегда с тобой: песня	1957
Суриков Иван	Степь да степь кругом...: песня	1957
Батгал Салих	Мой Татарстан	1958
Хузангай Петр	Чебоксары	1966
Лебедев-Кумач Василий	Песня о Родине («Широка страна моя родная...»): песня	1969
Матусовский Михаил	С чего начинается Родина?: песня	1969
Шекспир Уильям	3 сонета: 56, 76 и 77.	1969
Лермонтов Михаил	«Я до сих пор с тобою рядом...»	1971
Семакин Владимир	«Тронешь веточку рукою...», «Про тебя, лесная родина...», «Вьюга», «Родные места, дорогие названья...»:	1972
Нури Заки	Родник Чавайна	1973
Миннуллин Роберт	Возвращаясь домой...	1986
Пушкин Александр	Анчар, Соловей и роза, Талисман	1987

Выбор стихотворений, переведенных Г. Сабитовым на удмуртский язык, в большинстве случаев характеризуется тематической и эмоциональной близостью к его оригинальной поэзии. Кажется вполне закономерным, что поэт-песенник, создавший на удмуртском языке «около ста песен разных жанров» [5. С. 102], переводит на родной язык популярные русские народные песни или произведения русских поэтов-песенников. Эти переводы опубликованы в ряде антологий («Туала зуч кырзаныёс», 1957; «Эстрада: кырзаныёс, кылбурёс но пьесаос», 1957) или в сборниках поэта (например, в «Арган кырза», 1971). Конечно, сегодня сложно однозначно утверждать, переводил ли Сабитов вышеуказанные тексты «по влечению сердца» [7. С. 195] или выполнял заказную работу, но мы склонны придерживаться второй точки зрения. Дело в том, что значимость и востребованность художественного, особенно поэтического перевода, чаще всего определяется социокультурным запросом эпохи. В 1950-70-е гг. в удмуртской литературе все еще доминировали переводы произведений на «злобу дня», преследовавшие, чаще всего, идеологические цели, пришедшие на смену целям просветительским. В качестве примера можно обратиться к переводному варианту «Песни о Родине» Лебедева-Кумача (приводим 3 строфы).

<i>Песня о Родине (в сокращении)</i>	<i>Вордскем шаер сярысь кырзан (вакчиятэмын)</i>
Широка страна моя родная, Много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, Где так вольно дышит человек!	Туж паськыт мынам вордскем шаере, Трос тэлыёс, лудьёс, шурьёс татын! Мукетсэ уг тодскы шаерез мон, Улыны кытын такем эркын.

<p>От Москвы до самых до окраин, С южных гор до северных морей Человек проходит, как хозяин Необъятной Родины своей! Всюду жизнь и вольно и широко, Точно Волга полная, течет. Молодым – везде у нас дорога, Старикам – везде у нас почет.</p> <p>Наши нивы глазом не обшаришь, Не упомнишь наших городов, Наше слово гордое «товарищ» Нам дороже всех красивых слов. С этим словом мы повсюду дома, Нет для нас ни черных, ни цветных, Это слово каждому знакомо, С ним везде находим мы родных...</p>	<p>Шаерлэн пумысеныз Москваозь, Пось лымшор дорысь уйшор палозь Адями ортче, кузё сямен ик, Син сузэнтэм ас шаеретиз. Котькытын улон эркин но вёл-вёл, Волга шур сямен бызе шаплы. Сюресьёс вёлмыт егит муртъёслы, Пересьёс нош котькытын сйлы.</p> <p>Лудъёсмес уд вуы учкыны но, Уд но тоды вань городъёсмес. Ми понна «эше!» шуэм дано кыл Туж чебер кыллэсь но дуногес. Та кылэн ми котькытын дорын кадь, Калыкъёс ваньзы ик огкадесь. Котькытын тодмо та зеч кылэн ми Шедьтйськом матысь дуно муртмес...</p>
---	---

Общеизвестно, что «Песня о Родине» была написана в 1936 году для культового фильма Г. Александрова «Цирк». Тотчас став популярной, песня в одно время претендовала быть Гимном Советского Союза, на долгие годы была включена в школьные хрестоматии по русской литературе и была переведена практически на все языки народов СССР. Не стала исключением и удмуртская литература: существует четыре варианта перевода «Песни о Родине» на удмуртский язык – самый ранний выполнен в 1938 г. (без указания имени переводчика), два перевода датируются 1950 г. (переводчики П. Чайников и А. Клабуков) и последний вариант – перевод Сабитова 1969 г. Для наглядности приводим библиографические описания данных переводов:

Варианты переводов «Песни о Родине»

1. Родина сярись кырзан («Горд Москва дорысен окраинозь...») / В. И. Лебедев-Кумач // Кыктэтй лыдзён книга: взрослойёслэн школаоссылы / Д. Богоявленский, Л. Тимофеев. – Ижевск, 1938. С. 62.
2. Родина сярись кырзан («Туж паськыт мынам вордскем шаере...») / В. Лебедев-Кумач; берыктйз П. Чайников // Ми бырийськом: Советъёсы быръёнлы дасяскыны художественной самодеятельностьлы юрттэт. – Ижевск, 1950. С. 23-24.
3. Родина сярись кырзан («Туж паськыт мынам родной музъеме...») / В.И. Лебедев-Кумач; берыктйз А. Н. Клабуков // Родной кыл: куинетй класслы лыдзён книга. – Ижевск, 1950. С. 4.
4. Вордскем шаер сярись кырзан («Туж паськыт мынам вордскем шаере...») / В. Лебедев-Кумач; берыктйз Г. Сабитов // Советской Удмуртия. – 1969. – 1 май.

Конечно, велик соблазн проведения сравнительно-сопоставительного анализа этих переводных стихотворений, но данная проблема лежит за рамками нашего исследования. Обращаем внимание лишь на первые строки произведений (выделены жирным): на речевом уровне билингвальный читатель уловит в них следы буквального копирования оригинала, в результате чего появляются огрехи: это и русизмы («окраинозь», «родной музъеме»), и элементы калькирования. Мы неоднократно писали о том, что среди удмуртских переводчиков верную стратегию художественного перевода первым выработал Куздебай Герд: переводное произведение должно равняться с оригиналом по силе художественного воздействия на читателя. Еще в 1920-е гг., отказавшись от бытовавшего в то время буквализма, он в собственной практике неизменно придерживался данной стратегии, учитывая языковой и литературный вкус читательской публики. Но прогрессивные переводческие стратегии Куздебая Герда, не замеченные вовремя и преданные забвению вместе с его именем, привели к тому, что качественное развитие переводческой деятельности на удмуртском языке было законсервировано вплоть до 70-х гг. XX в.

Впрочем, надо признать, что в переводном варианте Гая Сабитова сугубо языковая проблема – непереводаемость иноязычной лексики – уже решена, в анализируемом стихотворении практически изжиты русизмы, но в нем видны огрехи другого порядка: это механическая, натуралистическая (ис-

следователи иногда говорят («рабская») близость к подлиннику на уровне калькирования. Переводчик стремится повторить весь строй русскоязычной фразы, воспроизвести не только образно-лексический рисунок оригинала, но и его синтаксические конструкции. Плоды так называемой «механической близости» – это наличие в переводном произведении многочисленных неудобочитаемых и искусственных в стилистическом плане слов-образов и поэтических картин («*Пёсь лымшиор дорысь уйшор палозь*», «*Та кылэн ми котькытын дорын кадъ*»). Ещё нагляднее это можно продемонстрировать на примере перевода стихотворения-песни М. Матусовского «С чего начинается Родина?»:

<i>С чего начинается Родина? (в сокращении)</i>	<i>Ма бордысен кутске Родина? (вакчиятэмын)</i>
<p>С чего начинается Родина? С картинки в твоём букваре, С хороших и верных товарищей, Живущих в соседнем дворе, А может она начинается С той песни, что пела нам мать, С того, что в любых испытаниях У нас никому не отнять. С чего начинается Родина... С заветной скамьи у ворот, С той самой березки, что во поле Под ветром, склоняясь, растёт...</p>	<p>Кутскид валаны, мар со Родина, Суред адзыса букварьысь Яке шедьтыса оскымон эштэ Артысь ик бускель азбарысь. Оло нош, кутскид валаны сое, Анай кырзамез кылзыса, Сое котькыче шуг-секыт дыре Уз басьты нокин таласа. Кутскид валаны, мар со Родина, Капка дор скамья вылысен. Оло, луд шорысь кызыпу-а вераз Тöлья шыпыртйсь куаръёсын?..</p>

Опыт мировой практики поэтического перевода характеризуется тяготением к относительно свободному типу перевода. Давно доказано, что принцип прямых языковых (синтаксических) соответствий не оправдывает себя. Свобода творчества переводчика подразумевает в данном случае передачу существенных, индивидуальных сторон подлинника, его стилевую доминанту, например, в одном случае это может быть интонация стиха с присущим ей оттенком музыкальности, в другом – композиционный прием повтора (анафора, эпифора) или психологического параллелизма. Конечно, при этом первостепенна роль и основополагающих элементов художественной формы поэтического текста: размера, рифмы, ритма, эвфонии и т. д.

Знал ли обо всех этих теоретических премудростях и «подводных камнях» художественного перевода Гай Сабитов? Предполагаем, что знал, поскольку имел солидное образование: закончил не только филологический факультет Удмуртского пединститута, но и Литературный институт им. М. Горького. Сеем предположить, что в теоретических вопросах переводоведения он был подкован лучше всех удмуртских переводчиков своего времени и возраста, да и его практическая деятельность во многом свидетельствует об этом. Его поэтические переводы – это новая ступень по сравнению с переводами 1920–30-х гг., когда переводились в освоении лучшие образцы мировой литературы. Но мы также знаем о том, что рукой переводчика Г. Сабитова водило историческое время. Позволим одну цитату: «Переводчики работают внутри времени. И вечно дискутируемая проблема верности оригиналу – это верность времени. Оригинал – это время. Писатели и переводчики переводят время на язык литературы», – так утверждает армянский исследователь Л. Мкртчян (Цит. по: [4. С. 447]). Самое ценное в этом высказывании – культурологическая сущность. Опираясь на него, мы можем утверждать, что в поэтических переводах Г. Сабитова, как в зеркале, отражены этноязыковые и литературные реалии 1960-х гг. Можно предположить, что в социокультурном контексте того времени эти переводные тексты являлись весьма прогрессивными, но сегодня мы осознаем, что задачи, которые ставил перед собой переводчик Г. Сабитов, превышали языковые и стилистические средства, находящиеся в его распоряжении. Такова причина возникновения кризисного явления – переводческого буквализма. «Кризис, который они (буквальные переводы – В.П.) отражают, – это обычно кризис роста переводческой культуры, предшествующий переходу к более высокому ее этапу» [2. С. 30].

Мы также не должны забывать, что переводы, в отличие от оригиналов, стареют, это порождает явление переводной множественности. Сегодняшняя интерпретация подлинника завтра может оказать-

ся негодной. Каждый век воспринимает слово по-своему. И на смену нынешнему переложению, которое нам кажется безупречным, придет новое, которое совпадет с представлениями и запросами будущих читателей – такова логика развития искусства художественного перевода, самого хрупкого вида словесного творчества. Поэтому наша оценка и современное восприятие переводной лирики Гая Сабитова – это взгляд из XXI в. на этнокультурные явления полувекковой давности, в которой, допускаем, вкусы и пристрастия отдающей и принимающей сторон (писателя и читателя) были совсем иные.

В рамках заявленной темы невозможно умолчать о переводах сонетов Шекспира. Во-первых, потому, что Гай Сабитов до сих пор является их единственным переводчиком на удмуртский язык, а во-вторых, общеизвестно о влиянии этих переводов на оригинальное творчество поэта – создание первого в удмуртской литературе венка сонетов «Шунды но жужа но...».

Переводы из Шекспира (это 56, 76 и 77 сонеты) тоже датируются 1969 г. Здесь мы являемся читателями двухступенчатого перевода, поскольку Г. Сабитов, не владевший английским языком, переложил на удмуртский язык русскоязычные переводы С. Маршака. Есть отдельные статьи, посвященные сопоставительному анализу этих произведений в связке «Шекспир – Маршак – Сабитов» [3. С. 61-65], авторы которых главным образом акцентируют внимание на воссоздании лексического уровня оригинала. Между тем исследовательских задач здесь гораздо больше и связаны они с экстралингвистическими факторами. «Как соотносятся между собой – разделенные десятилетиями – подходы к передаче иноязычного, но не с языка оригинала, произведения? Что их объединяет? Что составляет специфику? В каком направлении движется мысль переводчика Сабитова – интерпретатора уже существующего перевода?» – вот круг вопросов, требующих ответа.

Сопоставляя существующие варианты перевода на русский язык знаменитого 66-го сонета Шекспира, исследователь П.М. Топер, например, отмечает: «Особо большой популярностью в наши дни пользуются переводы Б.Пастернака (1940) и С.Маршака (1948), они не раз сравнивались друг с другом. Оценивались при этом не мелкие огрехи или даже ошибки – когда речь идет о таких великих мастерах стиха и знатоках европейской культуры, это было бы бессмысленно; сопоставлялись интерпретации – более обобщенная, гневно обличающая у Маршака, более личная, страдающая – у Пастернака. И то, и другое заложено в сонете Шекспира, переводы не искажают его, но в разной мере выявляют разные грани, в зависимости от природы таланта каждого из переведивших и их творческих установок, то есть выявляются их переводческие индивидуальности: более «классическая», гармоничная у Маршака, более мягущаяся, «нервная» – у Пастернака. В антологии включаются, как правило, переводы и того, и другого» [6. С. 226-227].

Удмуртским ученым, видимо, резонно задаться вопросом: каков наш удмуртский Шекспир в интерпретации Сабитова? Задача не из простых, и требует отдельного серьезного филологического анализа.

В завершении обратим внимание на переведенное стихотворение Лермонтова, в оригинале публикующегося под двумя заглавиями: «К Су<шковой>» или «Вблизи тебя до этих пор...». Оно интересно тем, что это единственное стихотворение Лермонтова, переведенное Сабитовым в 1971 г. Почему выбор пал на него, чем оно привлекло удмуртского поэта?

<i>К Су<шковой></i>	
<p>Вблизи тебя до этих пор Я не слыхал в груди огня. Встречал ли твой прелестный взор – Не билось сердце у меня.</p> <p>И что ж? – разлуки первый звук Меня заставил трепетать; Нет, нет, он не предвестник мук; Я не люблю – зачем скрывать!</p> <p>Однако же хоть день, хоть час Еще желал бы здесь пробить, Чтоб блеском этих чудных глаз Души тревоги усмирить.</p> <p>1830.</p>	<p>Мон та дырозь тонэн артэ Ой тоды на гадям тылэз. Адзылыса чебер тустэ, Оз тэтча на сюлэм юнгес.</p> <p>Нош мар? – Люкиськонэз шөдон Куалектыгыз шуак монэ. Өвёл, куректэмысь өвёл, – Уг яратскы, ма ватонэз!</p> <p>Озыы ке но, нунал, коть час Татын, дорад, мон улысал, Чебер синьёс пиштэм улын Шугьяськонме вунэтысал.</p> <p>1971.</p>

Стихотворение Лермонтова «Вблизи тебя до этих пор...» специалисты относят к «Сушковскому циклу» (1830 г.). Несмотря на традиционную романтическую стилистику («прелестный взор», «блеск чудных глаз»), это стихотворение цикла отличается психологической точностью и конкретностью: описывается зарождение чувства, которое сам поэт еще не решается назвать любовью (2 строфа), и дальнейшее его нарастание, вылившееся в горечь неразделенной любви. Возможно, именно эта живая струна поэтического текста задела Гая Сабитова, по воспоминаниям окружающих, весьма романтически настроенного поэта и человека, и послужила толчком для сделанного перевода. Кстати сказать, в удмуртской любовной лирике той поры интонационно и стилистически доминировали другие стихотворения (фольклорно-любвные, производственно-любвные, колхозно-любвные), тихая, интимно-камерная любовная лирика Флора Васильева еще только зарождалась и подвергалась критике, поэтому переводное стихотворение Гая Сабитова пришлось «ко двору» национальной поэзии и заполнило ее пустующую нишу. Тем более что перевод выполнен мастерски, с учетом эстетической тональности стихотворения Лермонтова.

Уровень требований теоретиков к переводчикам-практикам всегда был высок. «Переводчик в идеале должен представлять собой некую троицу в одном лице: поэт (прозаик) + филолог + переводчик. Нетрудно представить себе, что идеальное сочетание этих трех качеств – случай настолько редкий, что достоин был бы быть занесенным в Красную книгу истории перевода» [1. С. 15]. Действительно, переводчиков, соответствующих всем этим качествам, можно пересчитать по пальцам. В отечественной литературе это, возможно, Пастернак и Цветаева.

Гай Сабитов был поэтом и переводчиком, обладающим лирическим талантом. Его оригинальное и переводное творчество созвучны и являют отражением литературной ситуации 1950–80-х гг. В лучших своих переводах лирических текстов ему удалось преодолеть буквализм и открыть новую страницу удмуртского перевода. Его переводное наследие – своеобразный мост в современную практику художественного перевода, однозначно воспринимаемого удмуртскими переводчиками как высшее искусство слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 224 с.
2. Левин Ю.Д. Об исторической эволюции принципов перевода // Международные связи русской литературы. М.-Л.: Сов. писатель, 1963. С. 28-38.
3. Лекомцева Н.В., Михайлова Н., Пономарева З. Гай Сабитов – Шекспирлэсь сонетьёссэ берыктійсь // Вордскем кыл. 1994. № 4. С. 61-65.
4. Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Литинститут, 2006. 540 с.
5. Писатели и литературоведы Удмуртии: Биобиблиографический справочник. Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2006. 220 с.
6. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: ИМЛИ. Наследие, 2000. 254 с.
7. Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л.: Сов. писатель, 1983. 352 с.

Поступила в редакцию 10.11.16

V.G. Panteleeva

GAI SABITOV, A TRANSLATOR OF LYRICS

The article deals with translation activities of the Udmurt poet Gai Sabitov. The focus is on the analysis of the translations made by Sabitov which are similar to his own poetry. Being an author of song lyrics, he translated Russian folklore songs and the poetry of Soviet poets, which was the impact of the social and cultural context of the epoch. The tendencies in literature of the middle of the 20th century also influenced his strategies of translation: the tendencies of literal translation are still stronger than free translation.

Keywords: translator of lyrical poetry, social and cultural context, literalism in translation.

Пантелеева Вера Григорьевна,
кандидат филологических наук, доцент
БУУР «НИИ национального образования»
426051, Россия, г. Ижевск, ул. Советская, 1
E-mail: panvera@inbox.ru

Panteleeva V.G.,
Candidate of Philology, associate professor
Research Institute of National Education
Sovetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426051
E-mail: panvera@inbox.ru